

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА

«ПАПЫ ПО ЛЮБВИ» И «ПАПЫ ПОНЕВОЛЕ», ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЙСКИЕ ОТЦЫ НЕ ИДУТ В ОТПУСК ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ?

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры (o.bezrukova@spbu.ru); САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры (v.samoilova@spbu.ru). Обе – кафедра теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. На материалах 40 интервью с молодыми отцами, сторонниками и противниками отцовского отпуска, анализируются модели и образы отцовства, мотивация использования отпуска, связанные с ним риски, страхи, опасения мужчин. Рассматриваются гендерные стереотипы о правилах повседневного участия отцов в заботе о младенцах. Предлагается типология отцов: сторонников – «Универсальный» и Отец «no-stop»; и противников отцовского отпуска – «Стратегический» и «Тактический». Сделан вывод о том, что позитивная мотивация отцовства, зрелая родительская идентичность, высокий уровень семейного дохода, возможность сочетать заботу о ребенке с гибкой трудовой занятостью, одобрительное отношение матери позволяют отцам реализоваться в модели «Папа по любви». Вынужденное участие отцов в отпуске реализуется в модели «Папа поневоле», обусловленной отсутствием у отца работы, прекарризацией труда, конфликтными отношениями с работодателем, инвалидностью, возможностями матери. Препятствиями для участия мужчин в новой практике отцовства выступают институциональные, структурные и социокультурные факторы.

Ключевые слова: отцовство • маскулинность • отцовский отпуск • дети • материнство • гендерные стереотипы • гендерное равенство • семейная политика

DOI: 10.31857/S013216250005796-8

Введение. Демократизация социальных отношений в современном мире предполагает усиление ценностей равноправия, солидарности и справедливости в распределении обязанностей в семейной сфере, включая воспитание детей. За последние два десятилетия произошло изменение «ландшафта отцовства»: создан культурный идеал «нового» или «вовлеченного» отца, участвующего в домашней работе и уходе за детьми [Lengersdorf, Meuser, 2016; Johansson, Andreasson, 2017 и др.]. Исследования подтверждают множественные эффекты новой практики отцовства: повышение гендерной справедливости в семейной и трудовой сферах, ответственности отцов за воспитание детей, улучшение качества детско-родительских отношений, раскрытие личностного потенциала и обогащение эмоционального опыта самих мужчин и др. [Huerta et al., 2013; Suwada, 2017 и др.].

Один из общепризнанных механизмов, способствующих вовлечению отцов в заботу о детях – отпуск по уходу за ребенком, что подтверждают данные о динамике его распространения в мире: в 1994 г. 40 из 141 страны имели правовые акты об оплачиваемом отпуске для отцов, в 2013 г. – 78 из 167 стран [ILO, 2014]. Регламенты отпуска варьируются в широких пределах, а позитивным полюсом его воплощения на сегодняшний день являются непередаваемые «квоты пап» у шведских отцов.

В российском законодательстве закреплено право выбора для родителей: взять отпуск по уходу за ребенком может как женщина, так и мужчина¹. По данным петербургского исследования, 42% родителей выступают за отцовский отпуск, при этом среди его сторонников преобладают мужчины (50%), среди противников – женщины (61%) [Безрукова, Самойлова, 2017]. По данным Фонда социального страхования РФ, таким правом в 2018 г. воспользовались однако лишь 2,02% отцов². Данное противоречие определило ключевые вопросы нашего исследования. Почему российские отцы в большинстве своем не идут в отпуск по уходу за ребенком? Что выступает барьерами для новой практики отцовства? Что отличает тех отцов, которые проявляют такую готовность?

Методология исследования. В качестве теоретической основы исследования мы, во-первых, опирались на понимание гендерной идеологии как совокупности идей, взглядов, представлений о разделении сфер профессионального и семейного труда, потребностей и интересов мужчин и женщин, характеризующейся в настоящее время усложнением и переходом от одномерных к многомерным моделям [Grunow et al., 2018]. Во-вторых, основывались на концепции гегемонной маскулинности, специфике проявления ортодоксальной мужской идентичности [Connell, 1995]. В-третьих, рассматривали отцовство через призму социальных изменений в мужественности, становления недоминантных маскулинностей, конструирования мужчинами и обществом «заботливой» маскулинности, «новой культуры» отцовства [LaRossa, 1988; Кон, 2009; Lengersdorf, Meuser, 2016; Ruby, Scholz, 2018 и др.].

Цель статьи заключается в сравнительном анализе моделей и образов отцовства, представлений об отцовском отпуске у молодых отцов новорожденных детей и детей раннего возраста – сторонников и противников отцовского отпуска. Основные исследовательские задачи включали изучение гендерных установок в отношении семейных/родительских и профессиональных ролей, связанных с ними страхов и опасений, мотивации и стратегий участия мужчин в новой практике отцовства.

В качестве гипотезы выступало предположение о том, что слабая вовлеченность российских отцов в практику использования отпуска по уходу за ребенком обусловлена распространенностью традиционной культуры родительства, гендерных стереотипов, а также спецификой рисков, связанных с недостаточной институциональной и общественной поддержкой модели вовлеченного отцовства.

Исследование базируется на концептуализации социального пространства отцовства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями и возможностями семьи, предположении о том, что отцов можно дифференцировать на сторонников и противников отцовского отпуска на основе сочетания их позитивных/негативных оценок желания и возможностей его использовать [Безрукова, Самойлова, 2017].

Эмпирическая основа статьи – данные исследования, проведенного в 2013–2018 гг. в Санкт-Петербурге. Выборка целевая, собрано 40 глубинных интервью с отцами детей раннего возраста, в том числе с 18 отцами, которые находились или находятся в отпуске по уходу за ребенком, и 22 отцами, у которых такого опыта нет. Возраст детей до 3,5 лет, отцов от 23 до 35 лет. Критерии отбора отцов: официально оформленный отпуск по уходу за ребенком, согласованный с работодателем, получение ежемесячного пособия, наличие общего с супругой ребенка до 3,5 лет. В контрольной группе отцов критерии

¹ Во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком отец ребенка может работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение пособия по государственному социальному страхованию [Кодекс законов о труде РФ с учетом изменений и дополнений от 22 декабря 1992 г., ст.167; Трудовой кодекс РФ 2001 г. с учетом изменений и дополнений от 7 июня 2013 г., ч. 3, ст. 256.]

² Гусенко М. Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск // Российская газета. 2019. 6 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/06/kazhdyy-piatidesiatyj-otec-v-rossii-beret-dekretnyj-otpusk.html> (дата обращения: 06.03.2019).

отбора: использование отпуска по уходу за ребенком матерью, наличие общего с супругой ребенка до 3,5 лет.

Гендерная идеология: правила для отцов новорожденных детей. Гендерная идеология как матрица общественного сознания предполагает анализ гендерных стереотипов, публичных мифов и фантазий об отцовстве, транслируемых массмедиа образов отца. Как показывают зарубежные исследования, распространение эгалитарной гендерной идеологии способствует росту количества семей с отцами, которые остаются дома, чтобы заботиться о ребенке [Kramer K., Kramer A., 2016]. Идеалы гендерного равенства в воспитании детей высоко ценятся родителями, но вместе с тем традиционные нормы, предписывающие матери основную заботу о детях, препятствуют равному распределению отпуска в течение первого года жизни ребенка [Oláh et al., 2018]. В решении о разделении отпуска по уходу за ребенком родителями чаще учитывается ситуация с трудовой занятостью отца и состояние его здоровья, в то время как использование отпуска матерью кажется более очевидным [Schmidt et al., 2015].

Согласно российским данным, гендерная идеология воспроизводит набор стереотипизированных представлений о доминирующей роли матери в заботе о детях (Здравомыслова, Темкина и др.), представляет собой противоречивый микс традиционных и эгалитарных характеристик [Гурко, 2008; Авдеева, 2012; Безрукова, 2013; Шевченко, 2015 и др.]. Рассмотрим наиболее типичные идеи, принципы и правила, транслируемые в процессе обсуждения реальной или проективной ситуации использования отцовского отпуска, повседневного участия отца в заботе о детях раннего возраста. Представленные убеждения поддерживались отцами обеих групп, но в большей степени характерны для противников отцовского отпуска.

Приоритетность традиционной роли мужчины в семье.

1. *Безнравственно мужику сидеть дома* – недопустимость отступления от традиционных гендерных ролей проявляется в мнении, что заботящийся о ребенке отец ассоциируется со «слабостью» мужчины, который «прячется», избегает трудностей: *«Это аморально, когда отец сидит с ребёнком, а мама, которая должна кормить грудью, где-то работает»* (М., 27 л., реб. – 1,2 г.).

2. *Отец должен защищать кормящую мать* – аргументация отцов основана на акцентировании биологических различий мужчин и женщин, отцы демонстрируют желание заботиться и оберегать супругу, поскольку организм женщины требует восстановления после родов: *«Я могу сидеть дома и воспитывать ребенка, но только что родившей женщине обеспечивать семью трудно, для нее роды – стресс. Мне жену жалко»* (М., 31 г., реб. – 1,8 мес.).

3. *Забота о новорожденном ребенке – не мужская работа* – деятельность по воспитанию детей считается не достойной мужчины, а забота о детях не воспринимается как значимая для отца: *«Если мужик сядет дома с ребенком, вот нашёл мужскую дурь! Это безделье какое-то, пустая трата времени»* (М., 29 л., реб. – 2 нед.).

4. *Мужчина не может быть нянькой* – установка, фокусирующая внимание на специфических знаниях и навыках ухода за детьми, которые есть только у женщин, подчеркивает их отсутствие у мужчин, обращает внимание на неприспособленность отцов: *«Мужчина – танк, мощный человек, свободный охотник, может гору свернуть, а мелкие вещи выполнять по быту, сидеть с ребёнком, это ни в какие ворота. У женщины нежные руки, лучше развиты навыки ухода»* (М., 33 г., реб. – 5 мес.).

5. *Отец не может заменить кормящую мать* – убеждение акцентирует внимание на специфике «гендерного тела» мужчины, проявляющегося в неспособности полноценно заботиться о новорожденном, так как ребенок будет лишен грудного вскармливания: *«Мать может накормить ребенка грудью, а у отца ее просто нет»* (М., 28 л., реб. – 2 г.).

Равнозначность/второстепенность роли отца в воспитании детей.

1. *Отец такой же родитель, как и мать* – убеждение, поддерживаемое сторонниками отцовского отпуска, акцентирующее внимание на ключевой роли отца, отстаивании права

заботиться о ребенке наравне с матерью: «Хочу равноценно в воспитании дочери участвовать, безопасность – жена, а я открываю окно в мир» (М., 35 л., реб. – 1 г.).

2. Отец – второстепенный родитель – мнение, основанное на представлении отцов о своей незначимости для ребенка раннего возраста: «Не верю в то, что отец может заменить мать, отец в первое время – такая вспомогательная функция» (М., 28 л., реб. – 1,6 мес.).

3. Отец нужен для воспитания сына, а не дочери – убеждение, основанное на предположении о значимости отца в воспитании мальчиков подросткового возраста: «Ребенку интересно с отцом, когда уже постарше, поосмысленнее, уже в нормальном возрасте, нужно показать сыну, как костёр развести, палатку поставить» (М., 27 л., реб. – 1,2 г.). Подобное обучение типичным мужским практикам, связанным с охотой, рыболовством демонстрирует стремление мужчин чувствовать принадлежность к однородной группе, ощущать значимость в глазах сына, передать уникальный мужской опыт. Этот феномен М. Киммел назвал гомосоциальностью, характеризуя признаки гегемонной маскулинности [Киммел, 2008].

4. Приоритет власти матери – убеждения, включающие представления мужчин о воспитании детей как зоне ответственности и власти матери, которой она не желает делиться с отцом: «Ребенок до двух лет, он полностью во власти матери, и она эту власть не отдаст» (М., 28 л., реб. – 3 г.).

Заботиться о детях слишком тяжелый труд и риск для мужчины.

1. Дети – это тяжелая работа для мужчин – представления о воспитании детей как о трудной работе, с которой согласится не каждый мужчина: «Если сравнивать физический труд, то он легче, чем сидеть с маленьким ребенком. Надо перестраиваться, полностью менять уклад, распорядок дня» (М., 28 л., реб. – 2 г.).

2. Дети – это рискованный труд для мужчин – воспитание детей чаще воспринимается как рискованная деятельность, которая может нанести ущерб здоровью, психологическому состоянию: «Мужчину заставить сидеть с ребенком – это потрясение! Любые капризы, шалости, плач могут нанести весомую травму для отца» (М., 30 л., реб. – 1,5 г.).

Гендерная идеология, представленная выявленной композицией стереотипов, реализуется в модели отцовства при рождении ребенка и коррелирует с общей позитивной или негативной установкой в отношении отцовского отпуска, влияет на специфику опасений и страхов мужчин.

Что значит быть отцом в мнениях противников и сторонников отпуска. Сторонники отцовского отпуска связывают отцовство в первую очередь с воспитанием детей. При этом защита и финансовое обеспечение семьи также остаются важными функциями отца. Выделено два основных типа таких отцов – «Универсальный отец» и Отец «non-stop».

«Универсальные» отцы отличаются комплексностью заботы о семье и детях, включая выполнение традиционных и современных функций. Это любящие и заботливые отцы, вовлеченные в уход, общение и игры с ребенком, ответственные не только за материальное благополучие семьи, но и за воспитание ребенка. Отцы «non-stop» характеризуются еще большей погруженностью в заботу о ребенке, участием во всех связанных с ним событиях повседневной жизни. Эти мужчины ориентированы прежде всего на практические функции отца «здесь и сейчас»: «Главная моя характеристика как отца – я участвующий человек. Для меня важно полное участие в процессе воспитания, начиная от мытья, заканчивая играми, укладывание спать, кормление, весь физиологический процесс» (М., 28 л., реб. – 1 г.).

Представления об отцовстве противников отцовского отпуска включают традиционные роли мужчины в семье – кормильца, защитника, ответственного за семью, дисциплинатора. В материалах интервью проявились две основные модели традиционного отцовства. «Тактический» отец фокусируется прежде всего на роли кормильца, защитника и лидера семьи: «Мне кажется, это мужское дело – кормильцем и защитником быть» (М., 27 л., реб. – 2 г.). «Стратегический» отец чаще представляет себя ответственным за будущее детей, формирование цели в жизни, социальные достижения: «Быть отцом – значит быть опорой, отвечать за их судьбу, будущее. Именно поэтому мужик вкалывает до

седьмого пота» (М., 28 л., реб. – 6 мес.). Ответственность в данном случае осознается как обязательства, тяжелая работа, проявляется в беспокойстве за непредвиденный результат. Отцовство в представлениях этих мужчин скорее выступает как роль, которая благодаря напряженному труду и жертвенности отца в настоящем, обеспечивает будущее детей.

В целом, представления противников отцовского отпуска опираются на ценности традиционного отцовства, согласно которым отец обеспечивает семье выживание, защиту от угроз и рисков, преодоление трудностей. Для сторонников отцовство связано с живым участием в повседневной жизни детей, с их доступностью, с тесным телесным контактом и деятельной заботой, в том числе без непосредственного участия матери.

Папы в отпуске по уходу за ребенком: мотивация отцовского отпуска. Анализ материалов интервью с отцами, находящимися в отпуске по уходу за ребенком, показал, что существует, по меньшей мере, четыре типа мотивации участия мужчин в новой практике отцовства.

Мотивация **«в интересах ребенка»** характерна для мужчин, в полной мере осознающих отцовскую идентичность и потребность в заботе о детях: *«Для меня всегда дети были потребностью, особым отношением к миру. Когда растут дети, они чувствуют твою любовь, ты от них получаешь любовь, это счастье, не вижу лучше задачи как формирование человека»* (М., 35 л., реб. – 2 г.).

Это могут быть ситуации, когда отец замещает супругу, которая отсутствует или не может полноценно заботиться о ребенке. Среди причин: 1) смерть матери при родах или тяжелая болезнь, наступившая после рождения ребенка; 2) мать с ограниченными возможностями здоровья/инвалид; 3) длительное пребывание в лечебном учреждении; 4) пребывание матери в местах заключения; 5) лишена родительских прав или ограничена в правах. Отцы берут отпуск и в том случае, если мать отказалась от ребенка или родители развелись, а ребенок остался жить с отцом.

Мотивация **«в интересах себя»** основана на стремлении преодолеть трудную жизненную ситуацию или потребности *«самореализации в отцовстве»*: *«Это же уникальное событие – рождение ребенка! Так много закладывается до полутора лет, не представляю, какая работа может с этим конкурировать. Это для меня уникальный опыт, без которого отцом трудно стать»* (М., 35 л., реб. – 1 г.).

Стратегия **«вынужденного»** отцовского отпуска – используется в ситуации отсутствия/невозможности работать (болезни/инвалидности), чтобы избежать увольнения из-за неаттестации, сокращения штатов, недопуска к работе. Так, один из информантов не прошел медицинский осмотр и не смог продолжать работать пилотом международных авиалиний: *«Стыдно сказать, но в отпуске спрятался от работодателя. Хотели уволить, я – в отпуск, судился, юристы помогли в отпуск уйти»* (М., 29 л., реб. – 1 г.).

Расширение возможностей трудовой занятости в качестве мотива отцовского отпуска используется в ситуации поиска новой работы, желания получить прибавку к зарплате, начать собственное дело. Отцовский отпуск рассматривался как возможность преодолеть личностный кризис, отдохнуть: *«Ушел, потому что хотелось разобраться в себе, остановиться и пересмотреть свою жизнь»* (М., 33 г., реб. – 4,5 мес.). Или использование отпуска в качестве «передышки»: *«Хотелось отдохнуть немножко, потому что занимал высокую позицию, очень устал от прессинга корпоративного, решил таким образом уйти, перегорел»* (М., 35 л., реб. – 2 г.). Третий взял отпуск, чтобы найти новую работу: *«У меня выгода была в том, что отпуск это же не целый день сидеть с ребенком, а можно еще где-то себя попробовать»* (М., 29 л., реб. – 9 мес.). Благодаря отпуску еще один отец получает не только пособие по уходу за ребенком, но и зарплату, поскольку использовал право работать во время отпуска неполный рабочий день: *«Нахожусь в декретном отпуске вместо жены и работаю неполный рабочий день. Получается хорошая прибавка к основной зарплате»* (М., 31 г., реб. – 1,2 г.).

Мотивация **«в интересах матери»** заключается в поддержке супругом жены в случае ее более высокого или низкого профессионального статуса: *«Дал ей возможность для*

развития, особо не хотел идти в отпуск, но пришлось. Мужики не ходят на это дело» (М., 31 г., реб. – 3 г.). В данном типе супружеских отношений супруга обладает властным ресурсом и влиянием, имеет более высокую зарплату по сравнению с мужем. Преимущество матери – профессиональная деятельность юриста, информированность о правах отцов: «Жена просветила, юрист, знала все ходы и выходы. Такое сопротивление встретил в отделе кадров, жена в суд подала и выиграла» (М., 31 г., реб. – 3 г.).

Основные мотивы отцовского отпуска в интересах матери: 1) ее профессиональное развитие; 2) перспективы в приобретении высокого социального статуса; 3) продолжение обучения (студентка, учащаяся); 4) невозможность прервать профессиональную деятельность в том случае, если жена – индивидуальный предприниматель или руководитель малого предприятия.

Неустойчивый или низкий социальный/профессиональный статус супруги также вынуждают отца оформить отпуск по уходу за ребенком, поскольку она не сможет оформить пособие в ситуации: 1) неформальной занятости до рождения ребенка; 2) отсутствия работы; 3) обучения (студентка, учащаяся); 4) отсутствия правоустанавливающих документов на получение пособия в результате ликвидации предприятия; 5) супруга – иностранная гражданка; 6) не имеет документов о регистрации в Санкт-Петербурге и (или) России. Супруга одного из них – студентка медицинского института: «Жене надо было закончить институт. Я взял отпуск, потом теща, мог, конечно, сесть с ребенком до конца, но тогда можно с голоду умереть просто» (М., 28 л., реб. – 1,6 л.).

Мотивация «в интересах семьи» основана на рациональном выборе: кому из родителей выгодно уйти в родительский отпуск в зависимости от суммы пособия, которое будет начислено родителю, заботящемуся о ребенке: «Мы посчитали, мое пособие в год будет 150 тысяч рублей, а ее только 36. Ну что же не взять-то эти деньги?» (М., 27 л., реб. – 5 мес.).

Таким образом, модель «Папа по любви» проявляется в практиках любящего отца, который хочет участвовать в заботе о ребенке с момента его рождения. Отцы в этом случае обладают достаточными ресурсами (высшее образование, материальный достаток, возможность совмещать заботу о ребенке с профессиональной деятельностью). Модель «Папа поневоле» конструируется прагматичными интересами – получить более высокий размер пособия, желание найти другую работу или дополнительный заработок, освободить время для решения жизненных вопросов. Проблемы с работодателем, порождаемые спецификой современных трудовых отношений, приводят к ситуации, когда отец вынужденно прибегает к использованию отцовского отпуска. Существенно и влияние матери, ее ожиданий, возможностей (состояние здоровья, социальный статус, уровень заработной платы, карьерные амбиции, ролевая идентификация, представления о власти в семье, доверие в супружеских отношениях и др.). При этом внешние условия, преломляясь через призму внутренних установок и представлений о «правильном» отцовстве, приводят к разным выборам – одни отцы хотят и готовы пойти в отпуск, другие даже не допускают мысли об этом.

Риски, страхи, опасения отцов. Анализ материалов исследования показал, что отцы, оценивая проективную ситуацию нахождения в отпуске по уходу за ребенком, по-разному определяли для себя ее вероятные последствия. Учитывая, что отцовский отпуск для России – пока новая и во многом неизведанная реальность, неудивительно, что чаще «озвучивались» связанные с ним угрозы и риски. Проанализируем выявленные страхи, основываясь на структуре базовых измерений системы гендерных отношений (власть, труд, катексис, символические репрезентации) [Connell, 2000; Тартаковская, 2007].

1. Гендерная структура власти подразумевает проявления «гегемонной маскулинности» и специфических характеристик, присущих мужчинам в отличие от женщин – движение, борьба, соревновательность; сила и эмоциональная сдержанность; «крутость», способность к физическому насилию [Brannon, 1976]; гетеросексуальность и доминирование над женщинами и маргинализированными группами мужчин [Pleck, 1987]; восприятие различий между мужчинами и женщинами как незыблемых и священных, разделение

труда по признаку пола, признание двойного стандарта, потребность в доминировании над другими мужчинами, восприятие женщин как проблемных и др. [Гидденс, 2004]. Гендерная структура власти проявляется в доминантных мужских страхах.

Страх потери идентичности кормильца семьи – центральный страх, объединяющий отцов – противников отцовского отпуска. Для многих молодых отцов идентичность кормильца семьи является доминирующей, данный тип самоидентификации во многом определяет их субъективное благополучие. Представление об успешном выполнении этой роли выступает ведущей ценностью в сценарии мужской жизни: *«Могу двадцать четыре часа в сутки работать и на трёх работах, не щадя себя, но обеспечу их всем. Я должен обеспечивать семью в первую очередь, тогда я спокоен»* (М., 27 л., реб. – 2 г.).

Переопределение в ролевых функциях заставляет мужчину чувствовать себя несостоятельным, жалким, лишенным атрибутов мужественности: *«Где я деньги буду брать, если сяду дома? У жены тогда получается? Просить деньги у жены?»* (М., 26 л., реб. – 7 дней). При этом «вовлеченная» забота о ребенке представляется как «слабая» роль, приводящая к снижению самооценки и потере самоуважения: *«Даже представлять этого не хочу, что я сижу с ребенком. Такого не будет. Я перестану себе уважать тогда. Она прервет свою работу в любом случае»* (М., 28 л., реб. – 1 нед.).

Отцы – сторонники отпуска по уходу за ребенком – также испытывают трудности в обретении новой идентичности, чувствуют себя менее мужественными, и в своем большинстве рассматривают данную практику как вынужденную.

Страх маргинализации связан с представлением отцов об угрозе инверсии мужской власти, если начинать «усиливаться» супруга. В этом случае маскулинность приобретает маргинальный характер, а ее атрибутами выступают пассивность, подчиненность, неумение принимать решения, зависимость. Мужчина, обладающий властным ресурсом в семье, представляется как активный, доминантный, зарабатывающий больше жены, независимый и гордый. Нахождение в отпуске по уходу за ребенком рассматривается как маргинальная практика, обусловленная дефицитом властного маскулинного ресурса: *«Мне даже страшно представить, что могло бы быть! Быть тряпкой, лузером!»* (М., 29 л., реб. – 2 недели).

Страх феминизации – примеряя роль отца, находящегося в отпуске по уходу за ребенком, некоторые отцы обеспокоены феминизацией своего «Я», приобретением атрибутов женственности: *«Если бы я сел с ребенком, а жена работала, почувствовал бы себя загнанным в угол, домохозяйкой, женщиной»* (М., 25 л., реб. – 6 мес.).

Страх потери властного ресурса и контроля за женой – другие опасаются предоставить жене свободу, возможность работать и покидать дом на продолжительное время. Этот страх «подпитывает» зависимость и уязвимость партнера, который вынужден оставаться дома, отражает недоверие в отношениях между супругами. Иначе говоря, обосновывая невозможность взять на себя ответственность за заботу о ребенке, они стремятся сохранить власть, желая сохранить зависимость женщины от мужчины: *«Мог бы отпуск взять, но если был бы уверен, что у неё всё в порядке. Я ревнивый человек. Она оторвалась бы от дома. Мне важно, чтобы я контролировал ситуацию полностью»* (М., 27 л., реб. – 2 г.).

Страх выглядеть проигравшим в глазах супруги основан на предположении о том, что партнер, находясь в отпуске, почувствовал бы себя побежденным, проигравшим в стремлении к жизненному успеху, ощутил бы снижение своего статуса по сравнению с супругой, и, возможно, ее негативную оценку: *«В моем понимании мужчина, сидящий дома с ребенком, проиграл своей жене, а я этого боюсь. Мужчина должен реализоваться, побеждать. Если он не стремится, то начинает вянуть, деградировать. Ну и неизвестно, что она будет думать на самом деле»* (М., 27 л., реб. – 1,2 г.).

2. Гендерная структура труда. В трудовой сфере женщины-матери, имеющие детей раннего возраста, чаще находятся в неравном положении с мужчинами. Они «берут на себя» риски, связанные с беременностью, родами, заботой о детях, что повышает вероятность отставания в профессии, потери места на рынке труда, снижения дохода. Все эти риски вполне осознаются отцами, представляются им как серьезные угрозы их

социальному статусу и материальному положению, оцениваются как неприемлемые для мужчины. Соответственно, в позицию «рискующей» перемещается женщина, как наименее ценный для семьи и сферы трудовых отношений работник, «неудобный» и «маломобильный» в связи с материнством «работник второго сорта», с низкодоходной трудовой деятельностью и др. Эти убеждения проявились в высказываниях информантов.

Страх потери работы проявился в высказываниях отцов в отношении неопределенности и нестабильности жизни в условиях реформируемого социума: «*Боюсь остаться без работы, уйдя в этот отпуск. У нас, что ни день, то реформы!*» (М., 31 г., реб. – 1,8 мес.). Риски потерять работу связывались с негативным отношением работодателя, который может заподозрить в нелояльности, отсутствии профессионального интереса, слабой мотивации: «*Ушёл в отпуск, значит, ты не заинтересован в работе, в организации, не ценишь свою работу*» (М., 30 л., реб. – 1, 5 г.). По мнению одного из участников исследования, отцовский отпуск расценивался бы работодателем как личная выгода, предпочтение частных интересов общему благу, порождая проблему доверия к работнику, делая его виноватым: «*У нас тут каждый человек всегда оказывается виноват, тотальное недоверие в обществе к каждому человеку*» (М., 29 л., реб. – 5 мес.).

Суждения информантов о культуре российских трудовых отношений позволяет определить ее как культуру «личной преданности и лояльности руководству», доминирующая идея которой – жертвенность, преданность, приоритет интересов работодателя в ущерб личным интересам. Высказывания отцов при описании оценки работодателем проективной ситуации отцовского отпуска наполнены военной лексикой – «предатель», «вражина», «трус»: «*Ты ушёл в отпуск, значит, в трудный момент бросишь нас. Предатель! Кто тебя возьмёт потом*» (М., 29 л., реб. – 2,5 г.).

Страх бедности, в основе которого лежит осознание мужчинами экономических рисков, связанных с нестабильностью трудовой занятости, вероятностью негативных последствий в виде сокращения, нарушения неформальных обязательств: «*Боюсь, что мы останемся в нищете. Ее могут сократить в любой момент, урезать зарплату и что тогда? И я в отпуске буду без работы*» (М., 30 л., реб. – 1, 5 мес.).

Страх потери квалификации как следствие опасения потерять рабочее место, прервать карьеру, замедлить профессиональный рост: «*Если ухожу в отпуск – потеряю протоптанную тропу, это уменьшит сроки достижения цели и карьерных перспектив*» (М., 28 л., реб. – 2 г.).

Страх конкуренции. Рыночные риски, в том числе профессиональная конкуренция с коллегами в достижении социальных статусов, в обладании профессиональными знаниями и опытом, влияют на восприятие возможного ухода в отпуск: «*Коллеги за полтора года моего сидения с ребенком достигнут высот, и получается, что все яички для меня будут заняты*» (М., 28 л., реб. – 2 г.).

3. Катексис проявляется в сильной эмоциональной привязанности к супруге, заботе о ней, ее безопасности, в сопереживании, эмоциональном со-проживании общих событий.

Страх за супругу. Оценивая роль «кормильца семьи» как сопряженную с тяжелой работой, требующей героических усилий при современных рыночных рисках, высказывается сомнение в способности супруги успешно справиться с обеспечением семьи, а также забота о ее безопасности: «*Я мог бы пойти в отпуск, но у меня большие опасения. Готова ли жена жертвовать собой, совершать подвиги на профессиональной стезе? Боюсь, что она просто сорвется*» (М., 30 л., реб. – 6 мес.).

Страх не справиться с уходом за ребенком. Некоторые отцы в качестве причины отказа от отпуска называли трудности ухода за ребенком, смену образа жизни и привычного семейного уклада: «*Просто бы один не справился. Первую неделю мы вдвоем зашивались*» (М., 30 л., реб. – 1 мес.).

4. Символические репрезентации гендерных отношений предполагают дихотомизацию, противопоставление мужчин и женщин и сведение различных вариантов мужественности и женственности к двум стереотипным противоположностям. Они лежат в

основе социальной коммуникации, обеспечивают сопоставление позиций, выявление их схождения/расхождений и, как результат, одобрение или осуждение.

Страх осуждения и насмешек коллег. Некоторые информанты полагали, что в случае ухода в отцовский отпуск они неминуемо столкнулись бы с непониманием, осуждением и насмешками коллег, поскольку именно таким образом в организациях чаще всего оценивается отец, который берет больничный по уходу за ребенком. Решение взять отцовский отпуск, скорее всего, будет расцениваться коллегами по работе, как выходящее за пределы ролевого поведения мужчины, как утрата мужчиной властного ресурса и признак неполадок в семье: *«Коллеги подозрительно относятся, когда мужчина сидит дома с ребёнком. Значит у него что-то не в порядке на работе, или женщина сильнее его, а это признак нездоровья в семье»* (М., 29 лет, реб. – 6 мес.).

Страх выглядеть безответственным в глазах родителей. Другие предполагали, что родители обвинили бы их в нежелании нести ответственность за финансовую обеспеченность семьи, лености, стремлении спрятаться за жену в трудной ситуации: *«Негодовали бы, не поняли, если бы я не ходил на работу. Это недопустимо! Родители бы сказали: “Что ты дома сидишь? Иди работай. Бездельник!”»* (М., 29 л., реб. – 2 недели).

Страх социального исключения и одиночества. Подобно переживанию отверженности из-за словесного осуждения может быть и чувство дискомфорта, если организация реальной практики такова, что мужчина чувствует себя абсолютно лишним. Отцы, участвовавшие в родах, отмечали, что оказаться одному среди рожаящих женщин было крайне некомфортно. Хотя в настоящее время это не уникальная практика, отсутствие других отцов, мужской «группы поддержки» переживается как социальное исключение: *«Рожало около 6–7 женщин. В коридор выходил иногда, неужели никого мужиков не увижу? Было как-то не по себе одному среди стонущих женщин. Оказаться еще раз одному в этом отпуске с ребенком совсем не хочется»* (М., 32 г., реб. – 1 мес.).

Таким образом, в высказываниях информантов о проективной ситуации отцовского отпуска проявились мужские опасения, обусловленные тремя группами факторов: социокультурными, субъективно осознаваемыми как угрозы для традиционной маскулинной идентичности, подкрепляемые публичным дискурсом об отце как кормильце семьи; экономическими, связанными со спецификой культуры трудовых отношений, рисками безработицы и неустойчивой занятости; социальными, вызванными слабой социальной поддержкой и незащищенностью семьи, дефицитом институционального и межличностного доверия.

Заключение. Участие отцов в отпуске по уходу за ребенком имеет многофакторную обусловленность. Позитивная мотивация отцовства, зрелая родительская идентичность, высокий уровень семейного дохода, возможность сочетать заботу о ребенке с гибкой трудовой занятостью, одобрительное отношение матери позволяют отцам реализоваться в модели *«Папа по любви»*. Ключевыми характеристиками, конструирующими модель *«Папа по неволе»* – с вынужденным участием отца в отпуске, выступают отсутствие у него работы, прекаризация труда, конфликтные отношения с работодателем, ограниченные возможности здоровья/инвалидность, иногда просто желание отца отдохнуть, сочетающиеся с желанием/необходимостью матери учиться/работать или ограничениями ее возможностей ухаживать за ребенком из-за болезни и др.

Препятствиями участия мужчин в новой практике отцовства выступают институциональные (несовершенство законодательства, недостаточная поддержка работников с семейными обязанностями, слабость профсоюзов) и структурные (низкий уровень заработной платы, размера пособий, разница в оплате труда мужчин и женщин, конкуренция на рынке труда и др.) факторы. Существенными барьерами выступают специфика сложившейся гендерной идеологии, устойчивые стереотипы о гендерных ролях, представления о традиционной мужской идентичности.

Многие отцы, примеряя на себя ситуацию отцовского отпуска, обеспокоены потерей мужественности, трудностями ухода за младенцами, экономическими и социокультурными

рисками. Конструированию «заботливой» маскулинности могут способствовать гендерно-чувствительная информационная политика и реклама, что убедительно доказал опыт внедрения в сознание шведского общества идеологии отстаивания интересов и прав отцов перед работодателями и матерями, а «образ мускулистого мужчины, держащего младенца на руках, навсегда выгравирован в коллективной шведской памяти как символ отпуска по отцовству» [Johansson, Klinth, 2008: 42]. Вместе с тем снижение институциональных, структурных, финансовых, социокультурных рисков в российских условиях, на наш взгляд, представляется более сложной задачей и потребует изменений экономического контекста, реализации политики гендерного равенства в сфере труда, совершенствования социального обеспечения семьи, увеличения инвестиций в родительские и отцовские отпуска и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
- Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.
- Безрукова О.Н. Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125.
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004.
- Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А.Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 96–137.
- Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности. Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / Под ред. Ш. Берд, С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 38–57.
- Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Тартаковская И.Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5–23.
- Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.
- Brannon R.C. No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine // The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role / Ed. by D. David, R. Brannon. Reading, MA: Addison-Wesley, 1976. P. 5–26.
- Connell R. Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Connell R. The Men and the Boys. Sydney: Allen &Unwin, 2000.
- Grunow D., Begall K., Buchler S. Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework // Journal of Marriage and Family. 2018. No. 80. P. 42–60. DOI: 10.1111/jomf.12453.
- Huerta M., Adema W., Baxter J., Han W., Lausten M., Lee R. et al. Fathers' Leave, Father's Involvement and Child Development: Are They Related? Evidence from Four OECD Countries // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2013. No. 140. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5k4dlw9w6czq-en.
- ILO. Maternity and Paternity at Work. Law and Practice Across the World. Geneva: International Labour Office, 2014.
- Johansson T., Andreasson J. Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: 10.1057/978-1-137-58953-8_3.
- Johansson T., Klinth R. Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions // Men and Masculinities. 2008. No. 11(1). P. 42–62. DOI:10.1177/1097184X06291899.
- Kramer K.Z., Kramer A. At-Home Father Families in the United States. Gender Ideology, Human Capital, and Unemployment // Journal of Marriage and Family. 2016. No. 78. P. 1315–1331. DOI:10.1111/jomf.12327.
- LaRossa R. Fatherhood and Social Change // Family Relations. 1988. No. 37(4). P. 451–457.
- Lengersdorf D., Meuser M. Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? // Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective / Ed. by I. Crespi, E. Ruspini. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 141–161.
- Oláh L.S., Kotowska I.E., Richter R. The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies // A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe / Ed. by G. Doblhammer, J. Gumà. Cham: Springer, 2018. P. 41–64. DOI: 10.1007/978-3-319-72356-3_4.

- Pleck J. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
- Ruby S., Scholz S. Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinity // *Österreich Z Soziol.* 2018. No. 43. P. 73–83. DOI: 10.1007/s11614-018-0284-z.
- Schmidt E.-M., Rieder I., Zartler U., Schadler C., Richter R. Parental Constructions of Masculinity at the Transition to Parenthood: The Division of Parental Leave among Austrian Couples // *International Review of Sociology*. 2015. No. 25(3). P. 373–386.
- Suwada K. *Men, Fathering and the Gender Trap. Sweden and Poland Compared*. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-47782-4_7.

Статья поступила: 21.03.19. Принята к публикации: 20.05.19.

'EAGER DADS' AND 'DADS AGAINST THEIR WILL', OR WHY RUSSIAN DADS ARE RELUCTANT TO GO ON PARENTAL LEAVE

BEZRUKOVA O.N.*, SAMOYLOVA V.A.*

*Saint Petersburg State University, Russia

Olga N. BEZRUKOVA, *Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.* (o.bezrukova@spbu.ru); Valentina A. SAMOYLOVA, *Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof.* (v.samojlova@spbu.ru). Both – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Acknowledgment. The study was funded by RFBR, research project No. 19-011-00543.

Abstract. Based on 40 interviews with young fathers, both supporters and opponents of paternity leave, we analyze the paternity patterns and images, the motivation to apply for parental leave, the related risks, fears, and concerns. We consider gender stereotypes about fathers' daily participation in the baby care, offering a typology of fathers that act as supporters (Universal Dad and Non-Stop Dad) and opponents of paternal leave (Strategic Dad and Tactical Dad). We conclude that positive motivation of paternity, mature parental identity, high level of family income, the ability to combine childcare with flexible employment, and approving attitude on the part of mothers allow fathers to realize themselves in the Eager Dad pattern. The involuntary parental leave corresponding to Dads against their Will pattern develops due to father's lack of work, precarization, conflicting relations with the employer, disability, and mother's opportunities. Institutional, structural and socio-cultural factors act as the barriers that prevent men from participation in the new paternity practice.

Keywords: fatherhood, masculinity, paternity leave, children, motherhood, gender stereotypes, gender equality, family policy.

REFERENCES

- Avdeeva A.V. (2012) «Involved Fatherhood» in Present-day Russia: Childcare Strategies. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 95–104. (In Russ.)
- Bezrukova O.N. (2013) Fatherhood in the Transforming Society: Mothers' Expectations and Fathers' Practices. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 118–130. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V. A. (2017) Paternity Leave in Russia: a Dream or Reality? *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 116–125. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517070133.
- Brannon R.C. (1976) No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine. In: David D., Brannon R. (eds) *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading, MA: Addison-Wesley: 5–26.
- Connell R. (1995) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connell R. (2000) *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin.
- Giddens E. (2004) *Transformation of Intimacy*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Grunow D., Begall K., Buchler S. (2018) Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework. *Journal of Marriage and Family*. No. 80: 42–60. DOI: 10.1111/jomf.12453.
- Garko T.A. (2008) *Marriage and Parenthood in Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Huerta M., Adema W., Baxter J., Han W., Lausten M., Lee R. et al. (2013). Fathers' Leave, Father's Involvement and Child Development: Are They Related? Evidence from Four OECD Countries. In: *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 140. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5k4dlw9w6czq-en.
- ILO. (2014) *Maternity and Paternity at Work. Law and Practice across the World*. Geneva: International Labour Office.

- Johansson T., Andreasson J. (2017) *Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-58953-8_3.
- Johansson T., Klinth R. (2008). Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*. No. 11(1): 42–62. DOI: 10.1177/1097184X06291899.
- Kimmel M. (2008) Masculinity as Homophobia: Fear, Shame and Silence in Construction of Gender identity. In: Bird S., Zherebkin S. (eds) *The Pleasure of Being a Man: Western Theories of Masculinity and Post-Soviet Practices*. Saint Petersburg: Aleteya: 38–57. (In Russ.)
- Kon I.S. (2009) *Man in a Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Kramer K.Z., Kramer A. (2016) At-Home Father Families in the United States: Gender Ideology, Human Capital, and Unemployment. *Journal of Marriage and Family*. No. 78: 1315–1331. DOI: 10.1111/jomf.12327.
- LaRossa R. (1988) *Fatherhood and Social Change*. Family Relations. No. 37(4): 451–457.
- Lengersdorf D., Meuser M. (2016) Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? In: Crespi I., Ruspini E. (eds) *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective*. London: Palgrave Macmillan: 141–161.
- Oláh L.S., Kotowska I.E., Richter R. (2018) The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies. In: Doblhammer G., Gumà J. (eds) *A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe*. Cham: Springer: 41–64. DOI: 10.1007/978-3-319-72356-3_4.
- Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Ruby S., Scholz S. (2018) Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinities. *Österreich Z Soziol*. No. 43: 73–83. DOI: 10.1007/s11614-018-0284-z.
- Schmidt E.-M., Rieder I., Zartler U., Schadler C., Richter R. (2015) Parental Constructions of Masculinity at the Transition to Parenthood: The Division of Parental Leave Among Austrian Couples. *International Review of Sociology*. No. 25(3): 373–386.
- Shevchenko I.O (2015) After Divorce: Fathers and Children. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 70–77. (In Russ.)
- Suwada K. (2017) *Men, Fathering and the Gender Trap. Sweden and Poland Compared*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-47782-4_7.
- Tartakovskaya I.N. (2007) Gender Theory as the Theory of Practices: Robert Connell's Approach. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 5–23. (In Russ.)
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2007) Soviet Etacratc Gender Order. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds) *Russian Gender Order: Sociological Approach*. Saint Petersburg: EUSPb: 96–137. (In Russ.)

Received: 21.03.19. Accepted: 20.05.19.